

Слово технократа

Юрий Ласточкин

22.02.2012

Поделиться

Я думаю, что термин «военно-промышленный комплекс» сегодня устарел и является скорее речевым анахронизмом, чем обозначением реальности. ВПК был в СССР, где в руках государства были сосредоточены производящие вооружение заводы, и на них работала вся остальная экономика, в единую цепочку были объединены все четыре цикла передела. Сегодня это не так. Сегодня металл добывают и продают производства, принадлежащие одним владельцам, комплектующие производятся другими частными производителями, энергию приходится покупать у третьих, и, в итоге, оружейное производство становится лишь конечным сборочным производством, четвёртым переделом, закупающим всё необходимое у смежников по коммерческим ценам. Поэтому, на мой взгляд, правильнее было бы говорить не о ВПК, а о российском высокотехнологичном машиностроении и его военной продукции. Сегодня это конгломерат предприятий с разными формами собственности. Часть принадлежит государству, часть акционерам, и выстроить какое-то единое управление ими просто невозможно. Воссозданная Военно-промышленная комиссия, существовавшая в советское время, получилась насмешкой над тем органом управления, который в советское время мог решить любой вопрос в стране, любые самые сложные задачи. Сегодняшний орган ничего решить не может, и работает неизвестно зачем. Тот, кто задает при обсуждении вопросы, — тот смутьян, в следующий раз его можно просто не звать.

Все говорят, что наше оружие стало очень дорогим. Но почему? Прежде всего, потому, что закупается оно в ничтожных количествах, а чтобы содержать заводы, рассчитанные на всю технологи-ческую цепочку, необходимо в рамках одного производства иметь и механообработку, и сварку, и производства по нанесению защитных покрытий, и сборочные производства, и испытательные полигоны, и стенды, и боксы. Без этого создание высокотехнологичного вооружения просто невозможно. То количество, которое заказывается сегодня армией, делает такие производства заведомо убыточными. Сегодня заводы спецметаллургии, которые обеспечивают производство высокотемпературных жаропрочных сплавов на основе титана, хрома, никеля, вольфрама, загружены на 8–10 % от мощностей, но мощности при этом приходится содержать все. В итоге даже самые эффективные производства, с самым современным оборудованием фактически балансируют на грани банкротства.

Мы бездарно потеряли десять лет. Министр Кудрин десять лет занимался «монетизацией», не давал денег никому. И вот за это удушение промышленности его кто-то перевозносит как

гениального финансиста. Но ведь это глупость. Сегодня в сфере хай-тек технологий, принято такое определение времени — каждый следующий год равен пяти предыдущим. По такой экспоненте развиваются сегодня технологии. А Кудрин у нас украл десять лет, задержав нас тем самым почти на пятьдесят.

И вот теперь мы вдруг решили срочно вложить в промышленность три триллиона рублей и на двадцать триллионов закупить техники и вооружения. Фактически мы предлагаем полумёртвому от голода человеку накрытый стол в ресторане, Ешь, мол, и ни в чём себе не отказывай. Да у него в желудок уже ничего не лезет.

Коллективы распались, КБ усохли, технологии утрачены, технологические цепочки разрушены. И что в этих условиях могут сделать деньги? Даже очень большие деньги? Ничего. По крайней мере, сразу и в железе. Мы не получим от этих производств ни новых самолётов, ни новых танков, ни новых ракет. Нужно сначала воссоздать разрушенные производства, причём, иногда с нуля, на ровном месте, запустить КБ и только потом, пройдя все технологические циклы, получить продукцию.

Но есть ещё и старческие болезни ВПК — в советское время производство держалось на двух китах: на сверхдешёвом сырье и сверхдешёвой энергии. Автомат Калашникова действительно стоил в эпоху СССР копейки, потому что ижевский завод получал дешёвую сталь и сплавы в рамках госпоставок, а тарифы на электричество и топливо были копеечные, прибавить к этому громадные объёмы заказа и получаем уникальную цену.

Сегодня мы живём в совершенно другом мире.

Цены на топливо, электричество выросли в сотни раз, и теперь только на поддержание жизнеспособной среды в старых громадных цехах уходят многие миллионы. Завод больше не получает дешёвое сырьё, а покупает его по коммерческим ценам. А ещё вокруг любого производства сформированы целые кланы бюрократов-управленцев, со сверхвысокими зарплатами. И всё это закладывается в цену автомата, закупки которого скоро станут штучными. Понятно, что в этих условиях он становится золотым.

Время таких мастодонтов ушло, и это необходимо понимать.

Они просто неспособны сегодня конкурировать на мировом рынке.

Это «чёрные дыры» нашей промышленности. Никакие деньги их уже не возродят. Просто потому, что на них устарело всё: от станков до материалов, из которых построены здания, и даже философии производства. Их нужно закрывать. И на их месте или рядом с ними возводить совершенно новые компактные модульные производства.

Этого требует сама жизнь. Казалось бы, хорошая идея — создание сверхкорпораций авиационной, морской, космической. Концентрация производств одного профиля должна была дать синергетический эффект. Но корпорации создали, а эффекта не получили. Почему? Да именно потому, что вместо того, чтобы в рамках такой корпорации поддерживать самые эффективные и без всякой жалости закрывать убыточные, мёртвые заводы, в кучу собрали всё, что можно, что смогло пролезть в «шорт-лист» корпорации. И теперь вторые высасывают ресурс первых.

Что мы видим сегодня в мире?

Станкостроение, организация производства развиваются сегодня такими темпами, что становится просто невыгодно модернизировать старые производства. Они просто не отвечают изменившимся требованиям. Слишком это затратно. И их просто демонтируют, сравнивают с землёй, а рядом выстраивают совершенно новые производства.

Именно так поступил двигательный гигант Turbomeca. Когда необходимо было провести модернизацию, они просто снесли старый завод и рядом построили новый. Но какой! Там всего пятьсот рабочих и инженеров создают продукции в год на миллиард долларов!

Наиболее передовые отрасли сегодня вообще уходят от механической обработки деталей, создавая станки на новых принципах, когда электрохимическими воздействиями в специальной среде из болванки весом в двести килограммов формируется целиком, к примеру, ступень компрессора с допусками в тысячную долю миллиметра. После чего от громадной болванки остаётся лишь деталь в несколько десятков килограммов, а всё остальное растворено в жидкости, из которой тут же в соседнем цеху, извлекается сверхчистый металл и отправляется на очередной цикл. Фактически безотходное производство.

Есть ключевое понятие — фондовооружённость. Параметр экономической деятельности компании, фирмы, рассчитываемый как отношение средней годовой стоимости основных производственных фондов к средней численности работников за год. Иными словами говоря, сколько на одного работающего на том или ином производстве приходится производственных фондов — станков, оборудования и проч. в денежном эквиваленте. Причём, это величина постоянно пересчитывается с учётом уценки по мере устаревания. И это один из самых точных показателей и эффективности производства, и его современности.

Почему бы не пригласить независимых экспертов и не пересчитать фондовооружённость наших мастодонтов от ВПК, которые все эти годы не устают переваривать те десятки миллиардов рублей, которые вкладываются государством в ВПК? Выяснится очень неприглядная картина. Фактически мы выкидываем деньги в пустоту, потому, что фондовооружённость их окажется таковой, что производить что-то современное и по адекватным ценам они просто не могут.

Нужны новые подходы в ВПК, но для этого нужны люди, способные заглядывать в завтрашний день, понимать перспективу, быть знакомым с футурологией.

Несколько лет назад, когда предельно остро встал вопрос об организации производства в России двигателей для крылатых ракет, мы за короткое время воссоздали и довели до производства три таких двигателя. Все остались довольны. Но уже тогда мы предложили начать работы по созданию принципиально нового двигателя для крылатых ракет. Предельно простого, который бы максимально удешевил стоимость такой ракеты. В руководстве Министерства обороны нас не поняли. Зачем? Мол, и так хорошо. Чего зря деньги тратить? И что? В итоге американцы создали двигатель для крылатых ракет, уникальность его в предельной простоте, которая буквально обвалила цену такой ракеты, и сегодня американцам эти ракеты обходятся в сто тысяч долларов, а у нас аналогичное изделие тянет за миллион долларов. Сегодня перед Дмитрием Rogozinym стоит очень непростая задача. Задача выстоять, доказать профессионализм и компетентность в этой сложнейшей области, не дать себя заморочить.

А это крайне трудно.

В сегодняшнем ВПК сконцентрировано огромное количество людей, которых правильно назвать «похоронителями», хотя они при высоких должностях и научных степенях. Но они именно «похоронители», потому, что привыкли просто пилить деньги и больше не делать ничего, похоронив таким образом, сотни разных проектов.

Из-за чехарды чиновников, неграмотности тех, кто курировал этот сектор раньше, ВПК превратился в громадную кормушку для откровенных воров. Но воров талантливых. Которые собаку съели на обещаниях и показухе. Они умеют находить подходы, через друзей, через родных, через кремлёвские кабинеты, создавать информационное поле, пробираться, просачиваться и дальше вдохновенно с цифрами и презентациями рассказывать, про то, что вот-вот, прямо завтра, мы начнём производить чудо-оружие или уникальный лайнер, всё уже готово, но только надо ещё десять миллиардов. Одни уже десять лет так «щипают» по миллиарду, по пять, не создавая ничего. И на Rogozina они сегодня смотрят с улыбкой — не таких видали.

За примерами далеко ходить не надо — сегодня уже на самом высшем уровне серьёзно говорят о скором создании новейшего российского магистрального самолёта MC-21, мол, мы на пороге, вот-вот поразим весь мир. Но ведь на самом деле это просто блеф. Нет никакого MC-21 и не будет. Когда-то под эту тему группа авантюристов каким-то образом пробила финансирование. Деньги

быстро закончились, и нужно было разбежаться, но неожиданно выяснилось, что никто и не думает интересоваться, а куда деньги, собственно, были потрачены. И «проект» был продолжен, потом ещё продолжен. Теперь он столько съел денег, что уже и сами «разработчики» стали верить в то, что им можно заниматься бесконечно. Сначала самолёт обещали поднять в 2016 году, теперь уже перенесли на 2020-й. История с Ту-204 так никого ничему не научила. Сколько сегодня у нас их летает? И каковы убытки на каждый полёт? И почему он не летает в Европу? Почему он до сих пор не сертифицирован для полётов? Найдите ответы на эти вопросы, и станет предельно ясной судьба МС-21. Аферой является не только вся история МС-21, но и создание двигателя ПД-14. Только на обсуждение этого уже израсходован не один миллиард рублей. Допускаемый уровень вранья предельно высок. При этом совершенно понятно, что самим, без партнеров, создать и сертифицировать этот двигатель невозможно. Также тщетны попытки приспособить его поставки на другие, нероссийские лайнеры. Однако существует группа заинтересованных лиц, которые открыто врут высшему политическому руководству, зная, что никакой ответственности не несут. И при этом мы уже пятнадцать лет не можем организовать производство отечественного вертолётного двигателя. А ведь речь идёт даже не о разработке какого-то нового, а о развёртывании производства двигателя, который делается на Украине уже больше тридцати лет.

Главная задача — не дать сегодня растащить те огромные деньги, которые выделяет государство на перевооружение армии. Потому что второго такого шанса у нас уже не будет.

Есть ли сегодня механизм, способный победить эти «схемы» и «распилы»? Есть.

Необходимо, оценивая любой проект, обязательно получать предельно ясные ответы на вопросы: сколько лет разрабатывается проект или НИОКР? Сколько денег уже на него потрачено и, главное, что в итоге сделано? И адекватен ли результат затраченным деньгам? Только такой подход и никакой другой. И людей, которые только деньги пиллят и больше ничего не делают — снимать с руководства.

И второе — жесточайший контроль за данными обещаниями и взятыми обязательствами. Сегодня одна из главных болезней нашего ВПК это полное отсутствие какой-либо ответственности за слова и обещания. Сегодня сложился целый клан руководителей, которые замыслы выдают за факты, планы — за результаты, а слова — за дела, главное мастерство которых это бесконечное отодвигание сроков за границы ответственности — новые президентские выборы или просто уход на пенсию.

Но чтобы эта схема заработала, необходимо выработать системный подход, необходимо серьёзнейшая кадровая работа. Нужно провести микроотбор тематических специалистов. Тех, кто генетически компетентен в той или иной теме или направлении. И приоритет здесь должен отдаваться именно компетентности, а не громкой должности или научной степени. Нужно выдвигать в управление людей готовых действовать системно, имеющих современные подходы и алгоритмы, пусть даже не из области ВПК.

Мне нравится гражданская, патриотическая позиция Дмитрия Рогозина. Для такой громадной работы, которая ему предстоит, твёрдые убеждения и прочность характера просто необходимы. Необходимы, как компас в море, тем более что берегов не видно и нет никаких оснований даже для сдержанного оптимизма.